

В последующие дни Са Мо по-прежнему таскал Юань Чжана повсюду, облазив, кажется, каждый уголок Наньчэна. В конце концов, пока он был с Юань Чжаном, у него была уважительная причина не работать, да ещё и получать деньги за то, чтобы шататься повсюду, так что он был очень доволен, и Сынян тоже была довольна. Как человек, умеющий на всё смотреть с двух сторон, он мог не обращать внимания даже на собственную горестную судьбу, так что лёгкое непонятное замешательство, которое всякий раз возникало при виде Юань Чжана, и подавно можно было игнорировать — оно ведь не мешало ему весело есть, пить и развлекаться, так зачем о нём думать? Его мозг тоже делился надвое: когда нужно, он был строг и дотошен, мыслил чётко, шаг за шагом продвигаясь вперёд, не упуская ни малейшей странной детали. А в остальное время мог быть невнимательным и совершенно не напрягать мозги. Поэтому, сталкиваясь с Юань Чжаном, он, сколько бы раз ни чувствовал, что что-то не так, всё равно ленился вникать. Иногда, когда совесть просыпалась, он на мгновение задумывался и приходил к выводу: с Юань Чжаном весело, так что можно продолжать наслаждаться этим весельем, а остальное ему было лень контролировать!

Когда погода была хорошей, они выбирались за город; когда ленились идти далеко, бродили по городу; если возвращались рано, слушали, как Юань Чжан читает книги в его комнате. Они болтали обо всём на свете — от содержания книг до самых разных тем, и им было очень весело. Если Са Мо ещё не успевал заснуть и сохранял ясность ума, он возвращался к себе в комнату; если же, слушая, он нечаянно засыпал, то без стеснения забирался в постель к Юань Чжану. В конце концов, это был лучший гостевой номер в Фаньшэ, и за ночь в нём Сынян обычно брала с него деньги, а теперь появился шанс пожить за её счёт — почему бы и нет? По идее, человек, чьё мышление было так натренировано и который владел таким отличным цингуном, должен был сохранять бдительность к любому малейшему шороху. Но в обстановке, где он чувствовал себя в полной безопасности, этот инстинкт тоже засыпал мертвецким сном. Фаньшэ для него и так было местом, где он чувствовал себя в полной безопасности, а доверие к Юань Чжану делало его ещё более беззаботным, поэтому каждый раз рядом с Юань Чжаном он спал очень крепко, превращаясь из острого волка в неповоротливую свинью. Настолько, что совершенно не осознавал ни слишком близкого дыхания, ни долгого и глубокого взгляда, который устремлялся на него во сне. А Юань Чжану каждый раз, когда он подходил к нему так близко и смотрел на него, было уже достаточно, он наслаждался этим мимолётным сладким мгновением. Он не торопился, у него хватало терпения медленно ждать, пока их чувства незаметно разовьются до такой степени, что Са Мо наконец поймёт и уже не сможет обойтись без него, и он был уверен, что этот день наступит скоро.

Рано утром, войдя в комнату Юань Чжана и увидев Са Мо, лежащего рядом с ним, Чжан Су уже привык к этому. Заметив его, он молча шёл приготовить ещё один набор для умывания. Са Мо бодро благодарил его и, как без костей, наваливался одной рукой ему на плечо, разговаривая, из-за чего Чжан Су постоянно косился на выражение лица Юань Чжана. Убедившись, что хозяин ничуть не рассержен, он немного успокаивался, но всё равно не мог привыкнуть к такой манере общения и чувствовал себя крайне неловко. Всякий раз в такие моменты Чжан Су вздыхал про себя: ну и объект он на этот раз выбрал, совсем не похож на прежних.

В этот день Юань Чжань, что случалось редко, сидел один в комнате и читал книгу — Са Мо ушёл по новому делу в Комнату Шуан Е. Чем дольше Юань Чжань жил в Фаньшэ, тем лучше узнавал всех, так что, когда они расследовали дела, он тоже ходил с ними, если мог. Только в Комнату Шуан Е, даже если можно было пойти, он больше не ходил. Потому что в первый же раз, когда он зашёл в эту комнату, там повсюду были всевозможные образцы трупов — целые и

части, свежие и застарелые, на любой вкус, а вся комната была пропитана запахами разных лекарств и едкой мази для бальзамирования. Находясь там, он ещё должен был смотреть, как Са Мо и Шуан Е обсуждают свежий труп, ведя разговоры, от которых пропадал аппетит, и, что ещё хуже, Са Мо при этом ещё и жевал, анализируя. Зрелище было и впрямь малоприятным. Поэтому он благоразумно ретировался, а выйдя, увидел стоящего снаружи Саньпао, который показал ему большой палец: — В первый раз пробыть там так долго и не выbleвать? Ты крут.

Юань Чжань с трудом выдавил улыбку, вдыхая свежий воздух, словно заново родившись.

Затем Саньпао, указав на это место, похожее на Комнату Шуан Е, хлопнул его по плечу и сказал:

— В эту дыру, если не крайняя нужда, ни за что не сунусь, хоть убей.

Юань Чжань был с ним полностью согласен.

Поэтому сегодня он спокойно сидел в комнате и читал книгу, дожидаясь возвращения Са Мо из этой Комнаты Шуан Е.

Чжан Су вошёл с кислой миной и протянул Юань Чжаню письмо.

Юань Чжань мельком взглянул на него, но не взял, только нетерпеливо спросил:

— Ли Линь снова прислал письмо?

Чжан Су нахмурился:

— Да, это уже пятое.

Юань Чжань недовольно поморщился, отложил книгу и сказал Чжан Су:

— Мне лень читать, сам вскрывай и смотри. Он же знает, что я не читаю, так что это письмо тебе.

Чжан Су вскрыл письмо, прочитал и беспомощно посмотрел на Юань Чжаня.

Юань Чжань фыркнул:

— Ну конечно, никаких серьёзных дел, только торопит меня вернуться.

Чжан Су в душе взмолился: «Боже мой, да это же и есть самое серьёзное дело!» Но, с трудом успокоившись, спросил:

— Господин, когда мы отправляемся?

Юань Чжаню очень хотелось сказать «никогда», но он сдержал своё раздражение и ответил:

— Скажи ему, что будем дома к зимнему солнцестоянию.

Услышав «зимнее солнцестояние», Чжан Су живо представил себе, как Главный управляющий Ли, задыхаясь от злости, выплёвывает кровь, и сам сморщился, как горькая тыква, уставившись на Юань Чжана с выражением «сжался надо мной», не в силах вымолвить ни слова.

Юань Чжань вздохнул с досадой: он тоже знал, что возвращаться нужно, а зимнее солнцестояние — это просто такая фраза, чтобы не говорить «не вернусь», своего рода препирательство с Чжан Су. Когда они приехали, была ещё весна, а сейчас уже близится праздник Середины осени. Ему полагалось вернуться в Цзиньлин до этого праздника, а он всё ещё торчит здесь, — дома, наверное, уже всё вверх дном, вот Ли Линь и шлёт письмо за письмом, без конца поторапливая.

Юань Чжань крайне неохотно сказал:

— Ладно, ладно, скажи ему, что завтра выступаем.

Чжан Су с облегчением выдохнул, его кислая мина мгновенно исчезла, и он осторожно спросил:

— А что насчёт Са Мо, господин? Какие будут планы?

Юань Чжань спокойно, но твёрдо ответил:

— Он должен быть моим.

Видя такой настрой, Чжан Су понял, что тот уже всё решил, развернулся и вышел писать ответ, боясь, что если задержится ещё хоть на миг, Юань Чжань вдруг передумает, и тогда ему останется только умереть от досады.

Вечером Са Мо по обыкновению постучал в дверь Юань Чжана, прошёл к столу, сел и налил себе чаю. Отхлебнув, он сказал:

— Завтра снова можно идти гулять.

Юань Чжань спросил:

— Дело уже раскрыто?

Са Мо, невероятно гордясь собой, ответил:

— На этот раз дело было слишком простым, за день раскрыл. Я крут, правда?

Юань Чжань улыбнулся.

Са Мо продолжал в том же духе:

— Ай, ничего не поделаешь, что поделать, я всегда такой умный. А, кстати, дай-ка подумать, куда мы на этот раз отправимся.

Юань Чжань почувствовал горечь в сердце и с большой неохотой произнёс:

— Са Мо, я уезжаю.

Са Мо поднял голову:

— Уезжаешь? Куда? Ты уже придумал, куда пойдём гулять?

Юань Чжань беспомощно покачал головой:

— Нет, я возвращаюсь в Цзиньлин. Из дома уже пришло письмо с требованием вернуться.

Выражение лица Са Мо застыло. Спустя некоторое время он усмехнулся, словно сам над собой:

— Точно, я и забыл, что ты не здешний, что тебе нужно домой. И правда, привык я к тебе за это время, уже считал своим, из Фаньшэ. — Сказав это, Са Мо вдруг почувствовал, как на душе стало горько, и где-то в глубине души раздался голос, полный тоски: «Верно, он уезжает. Он всё-таки уедет».

Юань Чжань, видя его неестественную реакцию, на мгновение тоже растерялся, не зная, как продолжить.

Са Мо снова осознал, что с ним что-то не так, и та непонятная тревога снова вылезла наружу. Он притворился безразличным:

— Завтра уезжаешь?

Юань Чжань с трудом ответил:

— Да.

— Тогда я сначала закрою твой счёт, чтобы завтра утром ты мог отправиться. — С этими словами он встал и направился к двери, даже не глядя на Юань Чжаня, только быстро бросил: — Собирайся, отдыхай пораньше. — Са Мо сам не знал, почему вдруг ему стало так горько, что не хотелось оставаться здесь, не хотелось видеть такое же страдальческое лицо Юань Чжаня.

Подойдя к двери и уже собираясь открыть её, он почувствовал, как Юань Чжань схватил его за руку и сказал:

— Са Мо, поехали со мной.

Са Мо вскрикнул от неожиданности и уставился на него, очень удивлённый.

Юань Чжань тоже понял, что его слова прозвучали слишком поспешно, и объяснил:

— Я имею в виду, ты тоже можешь поехать посмотреть на Центральные равнины, как я приехал сюда в гости. Поедем со мной, я буду твоим гидом. Ты же говорил, что не был там, но хотел бы?

Когда до Са Мо дошёл ключевой смысл «поехать в Цзиньлин», на него разом нахлынули и та непонятная тревога перед Юань Чжанем, и все прежние сомнения по поводу поездки в Цзиньлин, перемешавшись и создав в голове полную сумятицу. Он застыл на месте. Через мгновение, заикаясь, выдавил:

— Это... я не могу решить сам, надо сначала спросить у Сынян. — А потом, будто в шутку, добавил: — Если я уйду, не сказав ни слова, мне потом придётся жить в страхе, что меня будут преследовать.

Юань Чжань не отступал, осторожно спросил:

— А сам ты хочешь поехать? Если хочешь, я поговорю с Сынян. — Он с огромной надеждой смотрел в мечущиеся, избегающие взгляда глаза Са Мо.

— Я лучше сначала спрошу у Сынян. — Са Мо выдернул руку из хватки Юань Чжана и выбежал вон.

Сынян сидела в комнате, перебирая шкатулку с украшениями и время от времени прикладывая их к голове, глядя в зеркало. Вдруг она почувствовала, что за спиной кто-то стоит. Не оборачиваясь, она ругнулась:

— Что за привидение среди ночи? — В Фаньшэ, кроме Са Мо, не было никого, кто мог бы подобраться так близко в тишине ночи, прежде чем она его заметит.

Са Мо плюхнулся на табурет рядом с туалетным столиком, подпёр подбородок рукой и уныло уставился на неё.

Сынян покосилась на него:

— Опять что-то задумал?

Са Мо растерянно, медленно заговорил:

— Сынян, как ты думаешь, мне стоит ехать в Цзиньлин или нет?

Сынян, по-прежнему недовольным тоном, продолжая перебирать вещи в руках, ответила:

— Ты спрашиваешь, стоит ли? Конечно, стоит. В письме, которое оставила твоя мать, ведь написано: если ты жив... — Сынян не договорила, но смысл был ясен: раз ты жив, значит, должен поехать.

Са Мо пробормотал в ответ:

— Да, верно.

Сынян посмотрела на него серьёзно и спросила:

— Я только одно спрашиваю: ты сам хочешь поехать?

Са Мо растерянно ответил:

— А разве не одно и то же?

— Конечно, нет. «Должен» — значит, не можешь не поехать, а «хочешь» — значит, можешь и не ехать.

Са Мо нахмурился, задумался, потом скривил губы в горькой усмешке.

Сынян язвительно заметила:

— Боишься, что не вернёшься?

Са Мо закатил глаза:

— Я просто трус, который боится смерти, и что? — Ему действительно не хотелось сталкиваться с тем, что его ждёт, и брать на себя слишком тяжёлую ношу.

Сынян усмехнулась:

— Тогда сиди себе тихо здесь, работай у меня, будь счастливым великим сыщиком, разве не хорошо?

Услышав такой тон, Са Мо по привычке фыркнул:

— Хорошо, как же! Целыми днями вы меня эксплуатируете и обдираете, вон, я уже похудел, а ты ещё говоришь.

Сынян захлопнула шкатулку:

— Тогда вали отсюда, да поживее!

Са Мо вздрогнул, рефлекторно отдернул руку и смущённо сказал:

— Думаешь, я боюсь? Завтра утром и уеду. — Он скривил губы и отвернулся, как ребёнок, который дует на взрослого.

Сынян смотрела на него долгое мгновение, потом спросила:

— Что за ветер в голову ударил? Вдруг вспомнил об этом?

Са Мо обернулся и честно ответил:

— А-Чжань завтра едет в Цзиньлин и пригласил меня поехать с ним, развлечься.

Сынян холодно усмехнулась:

— Тогда ты должен был согласиться не раздумывая, ещё и на дорогу сэкономил бы. Он такой богатый и щедрый, что еда и ночлег в пути будут бесплатными, это же как раз в твоём вкусе, разве нет?

Са Мо промолчал, и тут услышал, как Сынян сказала то же самое, что и Ли Чжи:

— Не пользоваться таким хорошим случаем — не в твоём стиле.

Са Мо снова промолчал, а Сынян продолжила:

— В любом случае, рано или поздно придётся съездить. Съездишь пораньше — и делу конец.

Са Мо задумчиво прикусил губу и, помолчав, сказал:

— Ладно, чтобы сэкономить побольше денег, поеду в этот раз.

Сказав это, он встал, чтобы уйти, но Сынян окликнула его сзади, полная угрозы:

— Сколько дней ты будешь отсутствовать, я буду считать. Вернёшься — отработаешь каждый день, ни дня не прощу, иначе... хм, пеняй на себя!

Услышав эти слова, Са Мо почувствовал, как на душе стало тепло. Он знал: Сынян таким, только им двоим привычным способом общения, наставляла его, заботилась о нём, говоря: «Ты должен вернуться целым и невредимым, я жду тебя».

Сынян в обычные дни хоть и была всегда суровой, не говорила ему ни одного доброго слова, не смотрела приветливо, но на самом деле любила его больше всех и больше всех о нём заботилась, по сути, растила его как родного сына. Просто эта героиня, долгое время бывшая главарем, была от природы вспыльчивой, с острым языком, но мягким сердцем, и никогда не говорила тёплых, ласковых слов. Однако Са Мо всё прекрасно понял. В тот миг ему стало страшно — страшно, что он уедет и больше никогда не вернётся, не услышит, как Сынян его ругает. В душе смешались горечь и тепло, на глазах выступили слёзы. Он сильно заморгал, а затем, тем же тоном, каким препирался с Сынян, сказал:

— Жадина, ты что, кроме подсчётов, ничего больше делать не умеешь? Хм! — И широким шагом вышел, на прощание помахав ей рукой, даже не обернувшись.

Провожая взглядом его исчезающую в дверях фигуру, Сынян вздохнула и, задумчиво глядя вдаль, пробормотала про себя:

— Генерал, если ты там, на небесах, слышишь, защити его. Как только он выйдет за пределы Наньчэна, у меня уже не будет сил оберегать его.

Строго говоря, Сынян не была чистокровной жительницей Сиюй. В ней была лишь половина крови Сиюй, а другая половина происходила из маленького государства, образованного независимым племенем на юго-западной границе Центральных равнин, — Хуаи, а его народ назывался клан Хуа. Отец Сынян был передовым воином в армии генерала, защищавшего государство клана Хуа, и его звали Генерал Гунсунь. Позже, во время одной из вылазок, он спас женщину из Сиюй, они полюбили друг друга, поженились, и через год родилась Сынян. Через несколько лет Генерал Гунсунь подал в отставку и вместе с семьёй вернулся в Наньчэн, в Сиюй. Там он узнал, что спасённая им женщина была единственной дочерью главаря Авачжай. И, увидев, что Авачжай, хоть и является шайкой разбойников, но грабит богатых и помогает бедным, искореняет зло и поддерживает добро, он решительно присоединился к ним и вместе с братьями сделал Авачжай всё более известным. Сынян с детства росла вместе с ними в дождь и вёдро, среди блеска мечей и кровавых бурь, воспитав в себе характер героини и предводительницы.

Позже, когда ей исполнилось пятнадцать лет, один из воинов клана Хуа нашёл Генерала Гунсуня с секретным письмом от самого Генерала, защищавшего государство, и тогда стало известно, что клан Хуа уже на грани гибели, а правитель скончался от болезни в бесконечных трудностях. Генерал, защищавший государство, был мужем самой умной женщины клана Хуа, Принцессы Сюаньцзи. В кризисной ситуации он взошёл на трон, став новым и последним правителем клана Хуа. Чтобы управлять ситуацией и успокоить народ, он не мог легко вести войска в поход, поэтому обратился за помощью к своему старому соратнику. Генерал Гунсунь решительно вернулся на родину, чтобы помочь, и та поездка стала для него последней — через год пришла весть о гибели государства клана Хуа.

После этого, в восемнадцать лет, Сынян стала главой Авачжай. Во время одной из операций она встретила странствующего рыцаря из очень таинственной в Сиюй Школы Цзялань. Они полюбили друг друга с первого взгляда, при второй встрече поклялись в любви и бурно сошлись. Через два года Сынян родила сына, но, увы, судьба была немилостива: ребёнок, не дожив до года, случайно умер. Сынян была безутешна, а её муж, потрясённый и убитый горем, сильно переживал. Он считал, что, хотя и обладает искусством возвращать мёртвых к жизни, в итоге всё равно не смог спасти собственного ребёнка, и поэтому ушёл в затворничество, чтобы совершенствоваться.

Ещё через несколько лет глава Школы Цзялань почувствовал, что его дни сочтены. По правилам Школы Цзялань, каждый глава, предчувствуя свою смерть, отправлялся в странствия; если умирал — душа возвращалась в небеса, если же судьба давала ему ещё шанс — он спокойно доживал свой век. Перед уходом глава указал на самого талантливого и способного преемника. Муж Сынян, будучи старшим личным учеником главы Школы Цзялань, глубоко постиг учение учителя и был, естественно, избран. Из-за смерти своего ребёнка он

чувствовал огромную ответственность и необходимость углублённо заниматься самосовершенствованием, поэтому, попрощавшись с Сынян, стал новым главой. Долгие годы он изучал в главной обители Школы Цзялань различные внутренние техники и тайные искусства, переданные по наследству, стремясь постоянно совершенствоваться и прославлять школу.

Сынян и её муж были людьми с горячим нравом, из мира боевых искусств, поэтому, когда были вместе — жили бурно, а когда расставались — расставались решительно. Оба знали устремления друг друга и не жалели ни о чём. В тот год Сынян только что исполнилось двадцать пять.

Затем она купила самую оживлённую гостиницу в Наньчэне и назвала её Фаньшэ. Во-первых, это должно было стать связным пунктом и прикрытием для Авачжай, а во-вторых — подготовкой к тому, чтобы она сама отошла от дел. На второй год после открытия Фаньшэ старый Тань, судмедэксперт из Далисы, привёл к ней двенадцатилетнего мальчика и передал ей мешочек, в котором было письмо, написанное кровью, и знак Генерала Гунсуня.

С тех пор Са Мо узнал своё истинное происхождение. Он не был ребёнком, выросшим в волчьей стае, и не был приёмным сыном, которого старый Тань подобрал в пустыне. Его матерью была самая умная женщина клана Хуа, Принцесса Сюаньцзи, а отцом — последний правитель клана Хуа. Сам же он был последним принцем клана Хуа, единственной выжившей королевской кровью. Старый Тань с самого первого дня, как увидел Са Мо, знал, что этот ребёнок не простого происхождения, но он не знал, кто такой Генерал Гунсунь, упомянутый в письме. Много лет он расспрашивал повсюду, и в конце концов через третьи руки узнал, что наводящая ужас глава Авачжай, Гунсунь Сынян, и есть потомок Генерала Гунсуя. Однако он, как судмедэксперт из Далисы, не имел возможности связаться с главой Авачжай, поэтому всё откладывал, просто держа Са Мо при себе. Позже он тяжело заболел, и, почувствовав, что скоро умрёт, рассказал о Са Мо своему старшему брату. Старый Тань, после долгих расспросов, наконец смог отправить Са Мо к Сынян.

Увидев Са Мо, Сынян словно увидела своего отца, который ушёл и не вернулся, и своего ребёнка, который не успел вырасти. Поэтому она перенесла на него всю свою любовь к отцу и сыну, следуя наказу отца, держала его при себе и учила разным навыкам. Сначала она брала его с собой в шайку, и, как и она сама в детстве, он дни напролёт был среди блеска мечей и кровавых бурь. Постепенно она поняла, что этот мальчик умён и талантлив, и отправила его учиться в Школу Цзялань. Как раз в это время странствующий бывший глава Школы Цзялань не только не умер, но и вернулся, полный сил. Са Мо ему очень понравился, и он взял его в свои последние ученики. Каждый день старый и малый, они провели несколько лет в горах, а когда старый глава снова отправился в странствия, Са Мо вернулся в Фаньшэ и продолжил вместе с Сынян вращаться и в светлых, и в тёмных кругах.

Сынян хоть и относилась к нему как к родному сыну, но придерживалась стиля поведения своего отца: «с чужими надо быть вежливым, а со своими можно обращаться как угодно» и принципа воспитания «бьёт — значит любит, ругает — значит заботится». К тому же в повседневном общении с ними были всякие люди из разных слоёв общества. Так что принц целого государства, которому по статусу полагалось бы быть величественным, за эти десять с лишним лет был настойчиво воспитан до нынешнего состояния — бесстыжего, бессовестного, бессердечного уличного проходимца. Интересно, жалеют ли Принцесса Сюаньцзи и Генерал

на небесах, что доверили его не тому человеку?

Очнувшись от этих далёких воспоминаний, Сынян, словно спрашивая и отвечая себе, сказала, глядя в небо за окном:

— Жалеть уже поздно, кто же виноват, что он попался мне в руки? Придётся уж так.

<http://bllate.org/book/19379/1895093>